

Кульмура. -1993.-30 апр. -С.9.

ИМЕНА

СТЕНАНИЯ КЛИМА

О Климе (режиссере Владимире Клименко) и его мастерской — одном из авангардных оазисов нашего театра — написано сегодня, наверное, больше, чем о каком-либо ином явлении молодой режиссуры. Впрочем, можно ли не писать о Климе! И что же остается следующим рассказчиком и толкователем! По-видимому, лишь скромно вносить отдельные штрихи и уточнения в его общий портрет, усердно рисуемый для истории всеми его почитателями и адептами.

В непрерывной ленте климовских сочинений «Персы» — это вторая часть тетралогии, именуемой «Индоевропейским проектом», где Север представлен древнерусским эпосом, Юг — как раз этой эсхилловской трагедией, Запад — «Гамлетом», Восток — древнеиндийским философским трактатом «Упанишады». Осенью была осуществлена постановка первой части проекта, «Слова о полку Игореве». В марте нас пригласили на вторую часть.

Приглашенных было пятнадцать человек, ровно по количеству отведенных для них мест: миниатюрный коллектив знатоков климовских начинаний, которым на этот раз в знакомом подвале выделялся совсем малый уголок для обзора происходящего. Да, Клима уже не искал, а уверенно полагался на своих «сторонников», что были счастливы предаться гипнозу его театрального шаманства и уже готовы были со знанием дела (как это принято тут) полусмежить свои веки, чтобы именно так внимать всему...

Да, мы и ожидали увидеть то, что увидели. Пять мужских фигур, одна женская. Все мужчины — некое подобие самого Клима, с неременной косицей, завязанной сзади. Длинные мужские юбки, белые блузки, босые ступни, деревянный пол. Привычная колонна в центре, томительные передвижения актерских тел, всеобщее большое томление движения и звука, длящееся с пяти до одиннадцати вечера — словом, обычные климовские «растворения» и «сны».

Моя статья о предыдущем спектакле Клима называлась «Молящиеся». Эту можно было бы назвать «Скорбящие». Эсхилловские «Персы» — один непрерывный плач хора и солистов о персидском войске, жестоко разбитом греками в кровавом сражении 472 года до нашей эры. Как раз то, чего ищут для своего воплощения климовские намерения и идеи: молитва, плач, стон, некое хоровое путешествие, ритуальные игры, восходящие к религиозным обрядам. То, что было бы способно силой ритма и силой воздействия создать общее поле климовского метафизического сюжета.

Узнаем ли мы тут классическую эсхилловскую трагедию? Пожалуй, как и в «Слове о полку Игореве», текст ее будет внятн нам лишь отчасти. Но ведь все климовские сочинения — вне интереса к конкретному сюжету. Климовские «антисюжеты» и «антитексты», в которых важна изначальная необъясненность, эскизность фабулы. А текст — лишь как почва для импровизаций, ведущих к упорному распыле-

нию и изживанию самого этого текста, к многократным перетеканиям и трансформациям его отдельных мотивов.

Сей хаос и помогает держать дистанцию от заземленной театральной конкретики, столь чуждой этому режиссеру. Он решительно в стороне от сиюминутного и частного или чего-нибудь напоподобие понятий «реализм», «быт», «конфликт и развязка». Интерес его, минуя незначительное, посвящен эпохальным мотивам и настроениям. В данном случае — историческим судьбам целых народов. Эти плачи о своих и о чужих отечествах, где древнеславянские боевые походы сменяются греко-персидскими войнами, это умение отсылать свой взор в необъятные мировые дали — все это пленяет. Подозревал ли хоть отчасти высокий дом на Средне-Каретном, какие по вечерам в его подвале судьбы текут, какие гуляют исторические ветры?

Но не подумайте, что Клима хочет показать себя летописцем или знатоком, сведущим во всех этих делах и обстоятельствах. Ему важна не историческая карта, а лишь собственные его миражи о временах, событиях и народах. Сны о воинственных персах. Сны о славянских ратях. Вот излюбленные маршруты его театральных походов. Все это — лишь картины «очей души», воспоминания о никогда не бывшем, застывшие в своем внутреннем состоянии и разрастающиеся во времени (каждый спектакль длится целую вечность, учитель!). И тут, в общем-то, нет самих по себе событий, а есть только некое парение над событиями; климовские актеры ведь ничего конкретного перед нами и не разыгрывают, кроме своих томительных кружений.

В чем главное их притяжение и загадка? В атмосфере «острого наслаждения печалью бытия». Все сочинения Клима — одно бесконечное дление печали. «Слова о полку Игореве» — непрерывная хоровая мольба. «Персы» — стена и стон хора и солистов, тянущиеся на одном дыхании. Оплакивания, скорбы, полеты печальющегося духа — вот вам, если угодно, и смысл, и идея для тех, кто ищет идеи и смысла в его постановках.

Вы никогда не ощутите в них решительных и упругих витальных токов. Бесплотные игрища климовских актеров наполнены лишь томлением смутных тревог и безотчетных ощущений. Их бытие — не в поступательном движении, а в текучей размагниченной протяженности, некоем размытом веянии, то угасающем, то возрождающемся. Но в поглощенности их самих этой нерасторопной тягучей игрой есть действительно что-то экзистенциальное.

Обо всем этом вновь размышляешь, наблюдая весь вечер странные хороводы и плачи климовских «Персов». И рассказ мой получился не столько об этом спектакле (хотя и о нем в первую очередь), сколько вообще о Климе, как видно, самом «скучном» и самом загадочном режиссере Москвы.

Ольга ИГНАТЮК.

285